

РЕЛИГИОЗНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ФЕОДОСИЯ ВЕЛИКОГО (379-395 гг.): ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

В.Н. КУЗНЕЦОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет*

e-mail: kuznetsov_v@bsu.edu.ru

В статье рассматривается внешнеполитическое направление религиозной политики императора Феодосия Великого. Император известен тем, что покончил с нейтралитетом государства по отношению к религиозным предпочтениям граждан Римской империи. Развернулась борьба с отличными от никейства течениями в христианстве, а также продолжилось и значительно усилилось начатое первыми императорами-христианами преследование последователей язычества. По сути, христианство становилось государственной религией Римской империи. Но помимо внутрис государственного вектора религиозной политики, в период, когда государство было окружено врагами, не могло не существовать ее внешнеполитического направления. Помимо этого, религия могла стать инструментом по защите государства и сохранению целостности империи.

Ключевые слова: Феодосий Великий, поздняя Римская империя, религиозная политика, внешняя политика, христианизация Римской империи.

Феодосий Великий – последний император, сумевший удержать вместе Западную и Восточную Римские империи. После его смерти в 395 г., Римская империя окончательно распалась и больше уже никогда не собиралась под властью одного правителя.

Исследования по влиянию религии на международные отношения в античном мире в наши дни довольно актуальны. Стоит отметить, что период правления Феодосия Великого не является исчерпанной темой в исторической науке. Да и сама биография императора имеет немало «белых пятен». В первую очередь, это обусловлено тем, что целый пласт письменных источников по данной эпохе не был актуализирован и привлечен для решения данных задач. Например, речи современника Феодосия Фемистия не исследовались в данном аспекте. При анализе источников по данной проблеме не стоит забывать о том, что в период борьбы с язычеством образ Феодосия и его деятельность, несомненно, могли тенденциозно искажаться в зависимости от интерпретации теми или иными авторами с различными религиозными предпочтениями. Заметны попытки христианских историков защитить и превознести личность императора, в то время как языческие авторы выступают порой с острой критикой в адрес Феодосия. Например, Аврелий Виктор в «*Epitome de caesaribus*» описывает Феодосия как честного, простодушного и честного человека (Aug. Vict., 1, XLVIII). Византийский историк рубежа V-VI вв. Зосим в своей *Historia nêa* напротив всячески осуждает императора и видит в его деятельности одну из причин упадка Римской империи на западе (Zos., 2, IV. 59).

Отечественная историография в принципе небогата на исследования по данной проблеме. Есть ряд дореволюционных работ, посвященных личности Феодосия Великого, в том числе, и в контексте проблемы христианизации Римской империи, например, труд Н.Ф. Чернявского: «Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении». Из современных исследований важна обобщающая работа М.М. Казакова «Христианизация Римской империи в IV в.», затрагивающая религиозную составляющую политики императора, а также диссертация М.А. Ведешкина о языческой оппозиции на Западе и Востоке империи в IV-VI вв.

¹ Работа подготовлена при поддержке стипендиальной программы ННГУ им. Н.И. Лобачевского: «Привлечение на конкурсной основе талантливых студентов и аспирантов на обучение в ННГУ им. Н.И. Лобачевского» (Приказ 1798-ЛС). Тема исследовательского проекта: «Внешнеполитические аспекты религиозной политики Феодосия Великого».

Зарубежная историография по поставленной проблеме более обширна, но и она в основном сводится к обобщающим исследованиям по истории поздней Римской империи или проблемам христианизации римского государства, а специальные работы, близкие к поставленной проблеме, практически отсутствуют. Как близкие к теме нашего исследования стоит отметить ряд статей Р. Эррингтона об эпохе Феодосия, в том числе работу «Church and State in the First Years of Theodosius I», описывающую взаимоотношения церкви и государства в первые годы правления императора. Чуть ли не единственной работой, реконструирующей жизнь Феодосия является совместная монография Дж. Фриелла и С. Виллиамса «Theodosius. The empire at bay». Важны также работы Тимоти Барнса (T.D. Barnes), Андреаса Демандта (A. Demandt), Фергюса Миллара (F. Millar), Арнальдо Момильяно (A. Momigliano) и др.

Христианизация Римской империи существенно повлияла на будущее античного мира. Разумеется, этот процесс был не настолько скоротечен, чтобы уложиться в период правления Феодосия. Но до начала IV века христианство на территории империи было вне закона, а к приверженцам христианства применялись репрессивные меры. Однако, важнее то, что число сторонников христианства было не очень значительным (средние взвешенные оценки дают не более 10% на момент Миланского эдикта). При Константине же христианство только получает официальный легальный статус, и процессы его проникновения во все сферы жизни римского государства далеко еще не были завершены. Да и немаловажный вопрос об обращении самого Константина в христианство остается весьма дискуссионным².

Именно в эпоху Феодосия, завершившего реформы Константина, процессы христианизации были наиболее активными. Государство в лице императора приняло ряд основополагающих антиязыческих законов, делавших христианство единственной государственной (или покровительствуемой государством) религией. Учитель Иоанна Златоуста Либаний объясняет это тем, что предыдущие правители из числа христиан попросту не осмеливались на столь смелые действия. Причем не столько из-за боязни вступить в открытую конфронтацию со сторонниками язычества на политической арене, сколько из-за того, что опасались «гнева богов». (Liban., Or., 30, 18). Сейчас сложно говорить, насколько точно соблюдались эти законы, поскольку многие из тех, кто должен был следить за соблюдением этих законов, сами оставались язычниками.

Существует несколько версий о столь внезапной жесткости религиозной политики Феодосия³. Предполагается, что это была первая фаза искоренения язычества и ересей, и, выполнив эту задачу, император готовился приступить ко второй, более радикальной⁴. Вероятно, что на Феодосия оказали сильное влияние Флавий Руфин и епископ Амвросий Медиоланский⁵.

Вместе с тем, прослеживается некоторая политическая неосмотрительность в проведении этих законов в жизнь. Первый закон от 24 февраля 391 года обсуждался в Милане с префектом претория Флавианом, который должен был следить за соблюдением закона, к которому он сам, будучи язычником, относился крайне негативно (С. Th., XVI, 10). Второй закон был направлен самому Флавиану, который в этот момент замещал императора (Idem, XVI, 7, 4-5). Это не было похоже на действия ловкого и умелого политика, но у Феодосия окруженного языческой аристократией просто не было другого выбора. Он стремился продолжать эту политику, несмотря на очевидные сложности в ее осуществлении⁶, поскольку в языческих кругах считали, что эти законы, по сути, легализовывали разрушение языческих храмов, вообще культуры, и покрывали вандалов и мародеров.

² Казаков М.М. Проблема христианизации Римской империи // Исследования по зарубежной истории. Смоленск, 2000. С. 198.

³ Matthews J.F. A Pious Supporter of Theodosius I: Maternus Cynegius and his family // Journal of Theological Studies. Vol. 18. 1967. P. 136.

⁴ Friell G., Williams S. Theodosius, Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 90.

⁵ Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume I A.D. 260-395. Cambridge University Press, 1971. P. 778.

⁶ King N. The emperor Theodosius and the Establishment of Christianity. The Westminster press. 1961. P. 36.

Учитель Иоанна Златоуста Либаний, в ответ на такую реакцию на политику Феодосия замечает, что здесь нужно действовать силами убеждения, а не принуждения. С одной стороны, Феодосий, безусловно, побаивался действовать только силами принуждения после казни испанского еретика Присциллиана и его последователей⁷. С другой стороны, в окружении языческой элиты, в том числе, ведущей сенаторской аристократии Рима, у Феодосия не было причин действовать мягче. И лишь политическая обстановка не давала ему насильно обращать в христианство свое окружение⁸.

В других направлениях политики Феодосию удавалось удержать баланс между противоборствующими политическими течениями, но в религиозной политике это не представлялось возможным. Представители христианства и язычества тянули Феодосия в разные стороны, и ему было трудно совмещать в себе христианина и политика. В итоге он строго подавляет язычество, запрещая даже самые рядовые публичные обряды.

В вере Феодосия довольно сложно усомниться. Шаги Феодосия в религиозной сфере не могли не быть серьезным потрясением в аристократических кругах, где по-прежнему преобладали язычники. Их лидеры Веттий Агорий Претекстат⁹, Квинт Аврелий Симмах, Руфий Альбин¹⁰, идеализируются в «Сатурналиях» Макробия.

Таким образом, если для предшественников Феодосия христианство – это, в первую очередь, политика, то для Феодосия это – осознанный выбор, и его политический курс опирается всецело на него.

Комплексный кризис III века серьезно поспособствовал укреплению христианства в империи, которая остро нуждалась в новой идеологии. Получив государственный статус, христианизация велась преимущественно «сверху», зачастую насильственными методами.

За пределами городов, в сельской округе в силу отсутствия сильного административного управления с вступлением в силу антиязыческих законов Феодосия мало что меняется. Сохраняются и продолжают посещаться языческие храмы. Так, есть ряд примеров существования языческих храмов, которые относят к последней четверти IV века¹¹. Здесь старались избегать только незаконных жертвоприношений. Мы можем предположить, что это не было намеренным уклонением от соблюдения антиязыческих законов, так как языческие ритуалы здесь являлись частью повседневной жизни. Таким образом, в несколько ослабленной форме, в сельской местности язычество оставалось. После разрушения таких ведущих храмов Востока как Серапейон в Александрии и Марнейон в Газе, с начала V в. христианизация начинает укореняться в восточных провинциях.

Простиралась ли в таком случае религиозная политика Феодосия за пределы государства? Разумеется, это имело свой смысл. Прежде всего, свежая идеологическая основа оказала бы позитивный эффект для армии, которая воевала бы теперь с «неверными» и еретиками. А в случае духовного экспорта, религиозная идентичность с соседями Римской империи способствовала бы разрешению и даже предотвращению конфликтов.

Одним из важнейших источников о внешнеполитическом курсе Феодосия и о положении дел в римской армии для нас являются речи Фемистия. Этот современник Феодосия, будучи советником при императорах и публичным оратором Константинополя, лично посещал границы империи и был очевидцем всего происходящего там. Он большое внимание уделяет описанию взаимоотношений Римской империи и ее соседей¹². Являясь сторонником дипломатических методов разрешения конфликтов, он подчеркивает, что государство должно быть готовым к военным действиям (Them., Orat., X, 130). Фемистий заявляет о превосходстве римлян над всем остальным миром (Idem. X, 131). По его мнению, Римская империя должна любыми методами доминировать над своими соседями (Idem. X, 135). Но как это сделать, если армия пребывает не в лучшем состоянии? Ре-

⁷ Friell G., Williams S. Theodosius, Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 91.

⁸ Friell G., Williams S. Theodosius, Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 92.

⁹ Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume I A.D. 260-395. Cambridge University Press, 1971. P.722.

¹⁰ Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume I A.D. 260-395. Cambridge University Press, 1971. P. 778. P. 38.

¹¹ Friell G., Williams S. Theodosius, Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 92.

¹² Сиротенко В.Т. Фемистий о положении на дунайской границе и о борьбе крестьян и рудокопов против готов // Античная древность и средние века, Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 289.

формы в армии тоже важны, и они должны последовать; Фемистий об этом подробно говорит, но помимо этого важен и идеологический подход.

Феодосий спустя год после провозглашения его императором издает эдикт, согласно которому единственно допустимой формой христианства для подданных империи оказывается форма, утвержденная на Никейском соборе (С. Th., XVI, 1,2). Последующее дополнение эдикта (Idem. XVI, 5,6), и запрет возглавлять церкви епископам отличного от никейства исповедания (Idem. XVI, 1,3) превращали другие формы христианства в ереси, находящиеся под запретом со стороны государства.

На первый взгляд, этот комплекс законов направлен внутрь империи, и никакого внешнеполитического аспекта здесь не прослеживается. Но это не так. В разгар борьбы с готами, которые в IV веке принимают арианскую версию христианства, этот пакет законов имеет ключевое значение. Согласно законам, готы – еретики, и борьба с ними приобретает новый идеологический характер.

После окончания готской войны Феодосий занят укреплением власти, и его религиозная политика направлена преимущественно внутрь империи. Но внешнеполитический вектор религиозной политики Феодосия оживляется и реанимируется политической обстановкой в западных провинциях Римской империи, на которую не может не реагировать Феодосий. Во-первых, в результате переворота свергнут и убит родственник Феодосия Валентиниан II; во-вторых, и это немаловажно, новая власть на Западе проводит свою религиозную политику, грозящую реставрацией язычества. В нашем случае, мы можем поставить вмешательство в дела западных провинций империи в поле внешней политики, так как в этот период западную и восточную части империи де-факто нельзя считать единым государством.

В 392 г. при помощи главнокомандующего Арбогаста власть на западе узурпирует Евгений. Являясь христианином (Paul., Vita Ambr., 26,1), но прекрасно понимая, что он пришел к власти благодаря язычникам, Евгений старается оправдать их надежды. Громкое и затянувшееся дело об алтаре богини Победы он разрешает в пользу языческой партии, и алтарь Победы возвращают в здание сената. Об этих событиях сообщает Паулин в «Vita Ambrosii»: «Sed postquam augustae memoriae Valentinianus in Viennensi civitate, quae est Gallorum civitas, vitam finivit, Eugenius suscepit imperium, qui, ubi imperare coepit, non multo post petentibus Flaviano tunc praefecto et Arbogaste comite aram Victoriae et sumptus caerimoniarum, quod Valentinianus augustae memoriae adhuc in iunioribus annis constitutus petentibus denegaverat, oblitus fidei suae concessit» (Paul. Vita Ambr. 26.3).

Феодосий не мог быть в стороне от происходящего. Наверняка понимая, что одним алтарем Победы дело не ограничится, и, в конце концов, может закончиться реставрацией язычества на Западе, он реагирует с максимальной оперативностью и силой. Также он не мог не осознавать того, что с победой язычества на Западе, может возникнуть прямая угроза христианству на Востоке империи. Феодосий не мог не понимать, что в случае его победы над Евгением, он сам может получить власть на западе. Поражение Евгения также неминуемо пошатнет позиции представителей языческой знати, которая сделала его императором. Таким образом, возникает возможность объединить обе части империи под прикрытием борьбы с «неверными» язычниками.

В такой ситуации назрел военный конфликт. Префект Флавиан и главнокомандующий Арбогаст, не сомневаясь в победе над Феодосием, обещают устроить в миланской базилике конюшню, а представителей клира отправить в армию. Об этих событиях упоминает Паулин: «Promiserat enim Arbogastes tunc comis et Flavianus praefectus Mediolano egredientis, cum victores reversi fuissent, stabulum se esse facturum in basilica ecclesiae Mediolanensis atque clericos sub armis probaturos» (Paul. Vita Ambros. 31.2).

Одержав победу над Евгением и Арбогастом, Феодосий впервые за годы своего правления становится в полной мере императором единой Римской империи. Правда, оставалось ему править в этой должности менее года.

Таким образом, религиозный фактор сыграл объединяющую и укрепляющую роль как во внутренней, так и во внешней политике, к которой мы относим взаимоотношения с готами (как внешними, так и «внутренними»), так и с неподконтрольными императору западными провинциями. Религиозная политика Феодосия не была направлена исклю-

чительно внутри империи, она выходила за пределы государства и была важнейшим внешнеполитическим инструментом.

«Готский вопрос» после Адрианополя был очень напряженным. Впервые внешняя сила как инородное тело инкорпорировалось, но не интегрировалось в империю. Федератский статус доадрианопольского времени и таковой же в V в. как бы разорваны временем Феодосия, когда ариане-готы нарушили сложившееся равновесие и активно внедрялись в военные и политические структуры империи. За готской угрозой вполне определенно вырисовывалась и новая волна варваров.

Если говорить о целенаправленном миссионерстве к внешним варварам, то оно начинается несколько позднее и лишь опосредованно исходит от государства, когда крещение варварских вождей-филархов происходило одновременно с установлением с ними клиентских отношений. В V-VI вв. такая политика станет для империи привычной (арабы, гунны, болгары, славяне и др.). Но пока Феодосий должен был «собрать» империю воедино, утвердить в ней ортодоксальное никейство и искоренить внешние проявления язычества. Эти задачи были им выполнены. Устранение же готской угрозы из Константинополя и установление порядка крещения языческих вождей относится уже к следующей исторической эпохе, начавшейся с правления сыновей Феодосия Великого – Аркадия и Гонория.

Список литературы

1. Казаков М.М. Проблема христианизации Римской империи // Исследования по зарубежной истории. Смоленск, 2000. С. 196-204.
2. Сиротенко В.Т. Фемиций о положении на дунайской границе и о борьбе крестьян и рудокопов против готов // Античная древность и средние века. Вып. 10. 1073. С. 289-293.
3. Friell G., Williams S. Theodosius, Empire at bay. Yale university press. 1995.
4. Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume I A.D. 260-395. Cambridge University Press. 1971.
5. King N. The emperor Theodosius and the Establishment of Christianity. The Westminster press. 1961.
6. Matthews J.F. A Pious Supporter of Theodosius I: Maternus Cynegius and his family // Journal of Theological Studies. Vol. 18. 1967. P. 484-509.

RELIGIOUS AND CULTURAL POLICY OF THEODOSIUS THE GREAT (379-395): FOREIGN POLICY ASPECTS

V.N. KUZNETSOV

*Belgorod State National
Research University*

*e-mail: kuz-
netsov_v@bsu.edu.ru*

The article discusses the foreign policy direction of the religious policy of the Emperor Theodosius the Great. The emperor is known for having committed the neutrality of the State shall respect the religious preferences of the citizens of the Roman Empire. A struggle with non-nikeystva trends in Christianity, as well as continued and considerable effort begun by the first emperor of Christian persecution of paganism. In fact, Christianity became the state religion of the Roman Empire. But in addition to domestic vector of religious policy, at a time when the state was surrounded by enemies, could not exist its foreign policy direction. In addition, the religion could become an instrument for the protection of the state and the preservation of the integrity of the empire.

Key words: Theodosius the Great, the Late Roman Empire, the religious policy, foreign policy, the Christianization of the Roman Empire.